

Б ы л о е .

(Окончаніе 1).

Съ нами долженъ былъ идти одинъ наемщикъ-казакъ (въ то время и таковыя были), 65 лѣтній старикъ. Командиръ полка (Петръ Васильевичъ Дмитровъ) просилъ окружного замѣнить этого старца кѣмъ-нибудь помоложе. Красновъ не согласился: старикъ двухъ молодыхъ стоитъ!... Такъ и пошли съ нимъ.

Помню, много рассказывалъ генераль про войну съ французами, про свою службу въ л.-гв. Казачьемъ полку.

— Народъ тогда былъ не нынѣшній: 14-ти вершковъ, какъ будто съ придурью!... Приказанія исполнялись свято, говорилъ ветеранъ. — Уставовъ у насъ тогда не было, и по строевой части мы

1) См. «Военный Сборникъ» № 4.

многое перенимали у кавалеріи. Когда уходили изъ Парижа, завели трубачей, выучили сигналы. Въ армейскихъ полкахъ тоже появились трубы. Мотивы сигналовъ приурочивали къ какой-нибудь подходящей пѣснѣ: *переправа*—на мотивъ пѣсни «Какъ и по мосту, мосту по калиновому»; *отступленіе*—«Я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ» и т. д.

Мы тронулись. Предстояло пройти 2 тысячи верстъ, въ лѣтніе мѣсяцы. Выступили въ маѣ.

Приварочный окладъ былъ грошевый: 1½—2 коп. на чело-вѣка. Питайся, какъ хочешь. Казаки изъ дома запасались саломъ, бурсаками, сушеной рыбой; все это ссыпалось въ однѣ сумы на нѣсколько чело-вѣкъ станичниковъ, почему и казаки эти всю жизнь потомъ называли одинъ другого *односумомъ*. Сумы эти клались на вьючныхъ лошадей, которыхъ полагалось по одной на десять каза-ковъ.

Повторяю, походъ былъ трудный особенно потому, что онъ производился въ лѣтнее время. Сколько страдало народа отъ питьевой воды!... Желудочныя заболѣванія выводили изъ строя каждый день по десятку чело-вѣкъ.

Маршруты были одни и тѣ же: въ Польшу—черезъ Кіевъ и Житомиръ, въ Западный край—черезъ Харьковъ, Гомель и Бобруйскъ.

До сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ того впечатлѣнія, кото-рое вызывали квитанціи о благополучномъ квартирваніи. Какой-нибудь жидишка, глумясь надъ офицеромъ, не даетъ бумажки, пока не заплатишь ему за пѣтуха, котораго у него не было и котораго у него «скушали» казаки. Останавливается сотня, задерживается полкъ изъ за этого. И мы стоимъ, добиваясь правды съ одной сто-роны и прося квитанцію съ другой, подъ страшнымъ солнцепе-комъ... Не знаю, какъ этотъ вопросъ теперь обстоитъ въ войскахъ, но въ наше время онъ вносилъ въ настроеніе полка столько раздра-женія, недовольства!

Вотъ перешли мы граицу Черниговской губерніи. Запахло пожарнымъ дымомъ... Да и огоньки кое-гдѣ видали. Грѣшили на поляковъ.

Поляки, особенно помѣщики, къ намъ присматривались съ большимъ вниманіемъ. Имъ хотѣлось вывѣдать, распросить про наше настроеніе, отношеніе къ нимъ, какія были инструкціи у насъ и пр.

На послѣдней передѣ Слуцкомъ остановкѣ, около Стодола, мнѣ отвели квартиру по близости отъ барскаго дома. Я любилъ своего коня и много занимался съ нимъ, заставляя его продѣлывать различныя упражненія: сидѣть на заднихъ ногахъ, поочередно поднимать ихъ, вытягиваться...

Я и не замѣтилъ, что за «трюками» лошади съ балкона слѣдилъ самъ помѣщикъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и сразу сталъ просить уступить ему коня за 200 рублей—деньги по тому времени огромныя. Отказалъ. Послѣдовала вторая просьба, третья... Съ необычайной ловкостью перебѣгая съ коня на казака, а съ казака на станицу, онъ все время искалъ прямого отвѣта на беспокоившую его тему о настроеніи Дона. Подошло еще нѣсколько человѣкъ.

Нужно сказать, что я былъ адъютантомъ полка и въ моихъ рукахъ могли быть свѣдѣнія и необычнаго характера. Но молодость совершенно закрывала глаза передъ любезностью пожилыхъ и саванитыхъ поляковъ и возможно, говорю это въ назиданіе грядущему поколѣнію, что кое-гдѣ у меня проскочила невольная, но излишняя откровенность.

Къ сожалѣнію, я былъ тогда менѣе прозорливъ, чѣмъ теперь, и не задумывался надъ тѣмъ, что слѣдуетъ послѣ первой откровенности.

Въ Слуцкѣ мнѣ отвели квартиру за городомъ, верстахъ въ двухъ, на фольваркѣ у какого то помѣщика. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы подобная распланировка исходила не отъ нашихъ квартиреровъ, а отъ того же поляка-помѣщика, который только что покупалъ у меня коня.

Не успѣлъ умыться, какъ къ фольварку стали подъѣзжать паны съ паненками. Пригласили и меня. Вхожу въ столовую — сидятъ человѣкъ 7-8 поляковъ и среди нихъ вчерашній знакомый. Оказалось, что всѣ они *родственники* хозяина.

Передъ обѣдомъ выпили старую «литэвку» — по единой, по другой, по тшечей... идутъ прибаутки: домъ о 4-хъ углахъ, а залъ о 5 окнахъ... Пьемъ.

Сѣли за обѣдъ. Подали доброе пиво, каву... Все время идетъ разговоръ. Паненки смѣются, что я такъ мало пью, чуть не вровень съ ними. Осторожно, какъ теперь помню, хозяишъ бьетъ по моему самолюбію, какъ казака: «вѣдь вы, казаки, должны быть народомъ самостоятельнымъ, вольнымъ, а не рабами Россіи... Что мы, что вы — одинаково несчастны... Насъ угнетаютъ... Но если бы»...

Эге, думаю, вотъ такъ попалъ въ компанію... Нечего дѣлать, надо номеръ довести до конца.

Наступила темь. Я сталъ отказываться отъ угощеній и скоро ушелъ.

Какъ я былъ золъ на свою довѣрчивость къ людямъ и болтовню съ поляками! Я въ мельчайшихъ подробностяхъ сталъ возстанавливать весь разговоръ съ ними и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не убѣдилъ самого себя, что я государственной тайны не выдалъ, а слѣдовательно и не измѣнникъ.

Да, надо отдать должное ихъ умѣнью организовать развѣдку, не вызывая подозрѣній. Безусловно все, что служило матеріаломъ въ этихъ развѣдкахъ, ими отправлялось въ свой главный штабъ, гдѣ и «пришивалось» къ дѣлу возстанія.

Чѣмъ дальше мы подвигались въ нашемъ походѣ, тѣмъ отношеніе къ намъ поляковъ мѣнялось рѣзче. Жидки тянулись за ними.

12-го сентября мы пришли въ Августовъ.

Кромѣ явной холодности къ намъ, въ настроеніи населенія нельзя было подмѣтить нотки предстоящаго возстанія. Правда, бросалось въ глаза необыкновенное многолюдство, продолжительность и торжественность службы въ костелѣ. Но это насъ не касалось. Министерство внутреннихъ дѣлъ возложило это наблюденіе на жандармскаго ротмистра Бодыховскаго. Что онъ доносилъ, что писалъ—не знаю. Скажу, что «Боже, цось Польска» пѣлось свободно.

Сначала меня поражалъ всеобщій трауръ: польки ходили въ глубокомъ траурѣ съ переломленнымъ бѣлымъ крестомъ. Еврейки тоже. Наши жены пробовали вести въ костюмахъ свою линію, не надѣвать траура, но съ мѣста же стали подвергаться различнаго рода оскорбленіямъ: то имъ кричали «пся крэвь!», то плескали на платьѣ какою-то жидкостью, оставлявшею на немъ рѣзкіе слѣды. Пришлось и имъ облачиться во все черное.

Между тѣмъ нарастали событія. Поляки перемѣнили свое къ намъ отношеніе на враждебное.

Это совпало съ появленіемъ въ Августовскихъ лѣсахъ «Вавра». Говорили, что это польскій офицеръ, дравшійся въ польскихъ войскахъ въ 1831 году подъ Вавромъ, гдѣ былъ раненъ, а войска разбиты. Принявъ этотъ псевдонимъ, онъ мечталъ о мести. Его агенты развѣзжали по деревнямъ и бросали въ народъ искры мятежа.

Стали сформировываться банды. Пристанищемъ для Вавра былъ

Козій Рынокъ—мѣстность въ глухомъ, темномъ и огромномъ лѣсу; доступъ туда для незнакомаго съ деталями топографіи этого района былъ невозможенъ. Кругомъ болота, вязкій грунтъ.

Какія ни учинялись развѣдки, отыскать «Рынокъ» никакъ не могли.

Что мы знали о Ваврѣ? То, что намъ шептали услужливые за деньги жидки. И только. Говорили, что на рынокѣ идетъ усиленное обученіе стрѣльбѣ, но узнать хотя бы примѣрную цифру повстанцевъ мы не могли.

Въ городахъ, даже большихъ деревняхъ, стянулись войска. Пронесся слухъ, что на Козьемъ Рынкѣ банда растетъ, что и теперь тамъ численный перевѣсъ надъ нами... Чувствовалось, что этотъ слухъ породилъ у насъ не мало тревоги.

Въ Августовѣ собрался военный совѣтъ. Помню, присутствовалъ на немъ нашъ командиръ (полковникъ Дмитровъ), Симбирскаго пѣхотнаго полка подполковникъ князь Шаховской, того же полка капитанъ Аристовъ съ академическимъ значкомъ, ротные командиры и др.

Слово было предоставлено Аристову. Ученымъ языкомъ онъ нарисовалъ наше положеніе въ ужасныхъ краскахъ: «Мы раздроблены... У поляковъ формируются все новыя и новыя части, резервъ ихъ—все мѣстное населеніе, въ тайнѣ вооруженное... Мы пошлемъ на нихъ роты, они встрѣтятъ баталіонами; мы—баталіоны, они—выставятъ полки. Наше подкрѣпленіе далеко, а когда оно подойдетъ, мы будемъ отброшены за Нѣманъ...»

Настроеніе отъ этого совѣта у насъ было подавленное. Помилуйте: все на насъ и ничего за насъ!

Подобная же сумятица шла въ Сувалкахъ и другихъ городахъ. Чувствовалась растерянность, нервность...

Войска стали отбывать, оставляя въ городахъ инвалидныя части, да пограничную стражу. Впрочемъ, и ихъ не вездѣ было.

Насъ со штабомъ полка и обозомъ спѣшно потребовали въ Сувалки. Если въ Августовѣ была растерянность, то тутъ царила самая настоящая паника. Всѣхъ офицеровъ выселили за городъ, внутри остались начальственные «верхи», которые показывались на улицѣ не иначе, какъ въ сопровожденіи виднаго конвоя.

Удивительное совпаденіе: по мѣрѣ того какъ Августовская губернія, благодаря перетасовкамъ, бѣднѣла войсками, банды Вавра росли. Его агенты не знали понятной осторожности въ вербованіи

войскъ и совершенно безбоязненно сновали въ шляхтѣ для новаго набора. Страдали «хлопы»: ихъ чуть ли не силою отрывали отъ хозяйства. А на Рынкѣ—маневры, стрѣльба...

II.

Генераль задумался. Живой свидѣтель далекаго прошлаго сидѣлъ съ опущенной головою—онъ весь ушелъ въ ожившее передъ нимъ прошлое. Былое миновало... И этотъ чуть ли не столѣтній могиканъ, перенесшій тяжелые походы, лихолѣтья и суровую обстановку, начиная съ первыхъ дней школьной жизни, бередилъ это прошлое.

— Вѣдь то, что рассказываю теперь, очнулся старикъ, больше никогда не повторится. Авіаціонное дѣло, пустившее корни на Руси по доброму почину Отдѣла воздушнаго флота, въ которомъ, кстати сказать, одинъ нашъ почетный станичникъ убиваетъ не мало труда, конечно, сыграетъ роль летающихъ глазъ, отъ которыхъ ни на полянкѣ, ни за болотомъ въ лѣсной гущѣ не спрячешься... А тогда—все это было возможно.

Вернемся къ прежнему разговору.

Итакъ, судя по настроенію, нельзя сказать, чтобы мы относились спокойно къ событіямъ, которыя не замедлили разыграться въ самомъ непродолжительномъ времени.

Интересно то, что у насъ была тенденція всю обстановку подавить однимъ духомъ войскъ, готовыхъ растерзать непослушныхъ повстанцевъ, ихъ видомъ... До сихъ поръ мнѣ вспоминаются парады и смотры ген. Радена въ Сувалкахъ.

Дѣло не въ демонстраціи собственныхъ силъ, а въ тѣхъ рѣчахъ, которыя были обращены къ войскамъ въ присутствіи населенія: въ нихъ была угроза. А поляки слушали, да смѣялись.

На меня, въ то время молодого и впечатлительнаго, производили свое дѣйствіе и приказы. Они были написаны съ чисто Суворовскимъ мастерствомъ: «...стремительно въ штыки!... преслѣдовать до послѣдняго!... передъ боемъ дать по чаркѣ водки!...»

Вечернія отлучки воспрещались. По городу ходили усиленные патрули солдатъ и казаковъ. Спали, не раздѣваясь.

Лишь мы, молодежь, съ заходомъ солнышка, каждодневно забѣгали тайкомъ въ польскія «цукерни». Це знаю, возрастъ ли насъ

спаять или молодечество сильно жило въ каждомъ хорунжемъ, но встрѣчи за билліардомъ съ польскою молодежью намъ не представлялись страшными. Знакомство, за этотъ періодъ нашего пребыванія въ Сувалкахъ, какъ-то окрѣпло, въ немъ чувствовалась душа....

Не безъ значенія подтрунивали — мы надъ ними, они надъ нами.

— Скоро до лясу? обыкновенно спрашивалъ я, здороваясь съ ними.—Смотри, пане, не попадись мнѣ: да и угощу же тебя доброй нагайкой.

— Прошу пана тоже не подворачиваться: «и мы мамэ добры дубельтовки....»

Развѣдка продолжалась. Казаки уходили въ лѣсъ верстъ на 40, но вѣсти каждый разъ доставлялись успокоительныя: ничего не видать, ничего не слышать! Къ тому же и жидки успокаивали.

Скоро изъ Сувалокъ, по закону тасовокъ, насъ перевели обратно въ Августовъ. Въ Сувалкахъ остались: 2 баталіона симбирцевъ, 1 баталіонъ стрѣлковъ, Александрійскіе гусары, 2 батареи и сотня казаковъ (въ періодъ возстанія гарнизонъ значительно увеличился прибытіемъ частей гвардіи и гренадеръ).

Въ Августовѣ намъ сообщили, что поляки «посмѣлѣли» — на глазахъ войскъ производилась вербовка въ польскія банды. Даже чиновный классъ принужденъ былъ стать подъ ружье.

Настроеніе понижалось. А тутъ не было вѣры въ свое оружіе.

Въ мое время Донскіе полки снабжались патронами изъ окружающихъ (на Дону) парковъ, съ расчетомъ по 10 патроновъ на каждаго казака, *при выступленіи на службу. При возвращеніи съ послѣдней казаки должны были эти патроны сдать обратно въ парки.* Стрѣльбѣ не учили: помилуйте, какое тутъ обученіе, когда въ рукахъ было *собственное* кремневое ружье «красноложка» или «черноложка» (передѣланныя позже на пистонныя)!... Вотъ и стрѣлай во славу русскаго оружія!

Итакъ, каждый казакъ имѣлъ *свое* собственное, взятое изъ дома, ружье. Видъ и состояніе ихъ было ужасное. Дѣло доходило до того, что, изъ опасенія разрыва этого смертоноснаго оружія, казаки иногда боялись стрѣлять!... Закроетъ глаза, уткнется внизъ головою, да и спускаетъ курокъ: лети, любезная, куда хочешь!... Да и летѣла-то недалеко; круглыя пули ружье бросало шаговъ на 20—30. Вотъ почему у насъ не было вѣры въ огонь. Къ тому же и стрѣ-

лять мы не умѣли; это имѣетъ свое оправданіе. На обученіе стрѣльбѣ отпускатось 5 патроновъ и 3 пули на казака. Ими научи стрѣлять, ими же покажи и смотровую стрѣльбу. Развѣ это мыслимое дѣло?...

Про тѣ 10 патроновъ, что казаки захватили съ Дона, вы забудьте: они ихъ хранили, какъ рѣдкую неприкосновенность—вѣдь ихъ надо сдать!... Къ концу службы они превращались въ безформенную массу, тѣмъ болѣе, что они служили и для другой цѣли. Изстари на Дону существуетъ обычай, при возвращеніи въ свои станицы и хутора, стрѣлять холостыми патронами. Нуженъ порохъ на 5—6 выстрѣловъ. Щепоткой за щепоткой казаки доставали его изъ «неприкосновенныхъ» патроновъ, находившихся у нихъ въ патронташахъ, и отсыпали то въ жестяныя баночки, либо въ кожаныя сумочки. А чтобы начальственный глазъ это не усмотрѣлъ, убывъ досыпали толченымъ углемъ. Вотъ какіе патроны хранились въ окружныхъ паркахъ!... Такіе получилъ и нашъ, 36-й полкъ, въ 62 году при выступленіи въ Западный край. Съ ними-то мы и должны были усмирять поляковъ....

Пришли въ Августовъ. Нашъ командиръ былъ назначенъ начальникомъ войскъ Августовскаго уѣзда, куда входили: баталіонъ симбирцевъ, Августовская инвалидная рота, 3 сотни нашего полка, пограничная стража Райгорода и Щучина; позже присоединились: баталіонъ стрѣлковъ, баталіонъ низовцевъ, 4 орудія и баталіонъ Малороссійскихъ гренадеръ.

1-я и 4-я сотня были откомандированы въ распоряженіе воинскаго начальника Ломжинскаго уѣзда, полк. Зайцева. По его указанію 4-я сотня расположилась въ м. Высоко-Мазовецкѣ, а 1-я осталась въ Ломжѣ. Командовалъ 4-й сотней опытный старый вояка, участникъ кавказскихъ дѣлъ, есауль Ерофѣй Ерофѣевичъ Павловъ. Разбросавъ сотню по-взводно, онъ сейчасъ же понялъ, какой козырь далъ въ руки повстанцевъ. Да и свѣдѣнія получались отъ евреевъ неутѣшительныя: по близости формировалась огромная банда поляковъ, которая рѣшила открыть военныя дѣйствія нападеніемъ на 4-ю сотню.

Павловъ стянулъ всѣ взводы на дворъ кирпичнаго строенія посреди города, на площади. Лошадей поставили частью въ сараѣ, частью во дворѣ.

Развѣдка подтверждала тревожность имѣвшихся свѣдѣній, и онъ сейчасъ же написалъ два донесенія, совершенно однородныя—

въ полкъ и полк. Зайцеву: положеніе трудное, имѣются свѣдѣнія о нападеніи, дайте инструкцію.

Полкъ отвѣчалъ: вы состоите въ распоряженіи воинскаго начальника, къ нему и обращайтесь; а полковникъ Зайцевъ пишетъ, что ему надлежитъ обратиться за инструкціею къ командиру полка!... Вотъ и гадай, что надо дѣлать дальше!...

Такъ безъ указаній Павловъ и остался.

Между тѣмъ броженіе въ краѣ усилилось. Поляки ходили съ высоко поднятыми головами, давая понять, что у нихъ «все готово».

Если раньше мы могли еще предполагать, что броженіе уляжется, что до вооруженнаго столкновеніе дѣло не дойдетъ, теперь съ увѣренностью говорили, что надо быть готовымъ къ самой настоящей войнѣ. Передъ нами вставалъ вопросъ: какими-же патронами мы будемъ вести огонь?...

Я составилъ требовательную вѣдомость, въ которой полкъ просилъ отпустить *хотя бы учебные патроны*. Требованіе направили по командѣ—походному атаману, который долженъ былъ засвидѣтельствовать дѣйствительную нужду въ патронахъ. Разумѣется, въ это нервное время мы не придерживались бумажной формальности, а писали то, что вызывалось обстановкой, необходимостью. Однако, требованіе вернули, а мнѣ сдѣлали нахлобучку: не по формѣ составлено (дѣло было въ декабрѣ 62 года)!...

Часто упрекають, что нынѣ мы любимъ бумажку больше дѣла, но позвольте васъ отослать къ данному случаю: болѣзнь преемственная.

Пока мы составляли вѣдомость *по формѣ*, вспыхнуло возстаніе. Пришлось дѣйствовать «неприкосновенными» патронами. Впрочемъ, скоро намъ отпустили, безъ всякихъ бумажныхъ затрудненій, боевые—изъ артилерійскаго склада.

Вернемся къ Павлову.

Ему сообщили, евреи конечно, что 10-го января поляки произведутъ на его сотню нападеніе. Однако, 10-е прошло спокойно. Позже передавали, что начальникъ банды, изъ желанія влить въ подчиненныхъ побольше смѣлости, далъ имъ по чаркѣ водки, но дача эта оказалась недостаточною, границу перешли и всѣ перепились.

На слѣдующій день, поздно вечеромъ (а было темно), развѣздъ его сотни вплотную наткнулся на польскую кавалерію человекъ

въ 70. Развѣздъ состоялъ изъ 3 казаковъ. Началась погоня. Десятки поляковъ гнались за казаками.... Вотъ они у сотни. Зная, гдѣ ворота, они поворачиваютъ къ нимъ....

У воротъ стоялъ молодой казакъ. Передъ самымъ носомъ развѣзда онъ захлопнулъ ворота. Казаки едва успѣли соскочить съ лошадей и вбѣжать въ казарму, какъ поляки уже ловили казачьихъ коней—они-то и были первымъ трофеемъ повстанцевъ.

Въ сотнѣ поднялась тревога. Казаки бросились съ ружьями къ окнамъ, которыя превратились въ родъ бойницъ. Стѣны на площадь и самое строеніе были заняты сотней. Стали ждать осаду.

На площади стоялъ невообразимый шумъ, гамъ.

Вотъ подошла польская пѣхота... Требуютъ сдачи... Сыпятся ругань, угрозы.... Наконецъ раздается команда: «першій баталіонъ на штурму».

Летятъ разбитыя стекла, бьютъ косами рамы въ окнахъ. Началась стрѣльба. Казаки отвѣчали короткимъ огнемъ: патроновъ-то вѣдь было мало.

— Сдавайтесь!.. кричали поляки.—Сожжемъ васъ, если не сдадитесь!..

У насъ появились раненые. Къ общему шуму и гаму присоединились стоны казаковъ. Про настроеніе сотни и говорить нечего. Кругомъ огромная сила враговъ, враговъ Россіи, отрѣзавшихъ ихъ плотнымъ кольцомъ отъ внѣшняго міра; внутри—стоны раненыхъ, кровь....

Послышался какой-то стукъ бочекъ о землю, показался огонь, и все зданіе было объято со стороны площади пламенемъ. Нужно сказать, что около Высоко-Мазовецка были смолокурные заводы, и доставка смоляныхъ бочекъ не представляла большихъ затрудненій. Повалилъ дымъ—ѣдкій, густой. Къ счастью, вѣтерокъ слегка относилъ его въ сторону. Подъ прикрытіемъ перваго ряда бочекъ, поляки стали подкатывать голыми руками (а раньше косами) другія. Огонь сталъ донимать. Казарма уже давала трещины въ кирпичахъ и дерево кое-гдѣ загорѣлось.

Казаки никаки откатывали горящія бочки, кололи ими штурмующихъ, стрѣляли изъ ружей. Въ сотнѣ появились убитые. Штурмъ шелъ всю ночь.

Что думали казаки, какія думы гнѣздились у нихъ, одному Богу извѣстно. Надъ ними стояла вѣрная смерть.

Темная ночь. Крупной рысью я тронулся по составленному на спѣхъ маршруту, намѣреваясь пересѣчь дорогу фельдфебелю.

Идемъ полчаса, часъ, два... Наконецъ попадается корчма. Рѣшилъ сдѣлать малый привалъ: ужъ больно и люди, и лошади устали. Въдъ грунтъ тяжелый, да и аллюръ былъ порядочный.

Въ корчмѣ огонекъ. Заглядываю въ окошко, кто-то лежитъ на столѣ, на лавкѣ. Вхожу. Испугались: то были повстанцы, которые только что были ранены однимъ изъ развѣздовъ. Возмолились: «не берите насъ... насъ взяли силою подъ ружье къ Вавру... Теперь идемъ до дома!..» Бросили ихъ и направились дальше.

На разсвѣтѣ мы подошли къ небольшой деревушкѣ, гдѣ, по моему, мы могли застать рекрутъ. Съ большою осторожностью ее окружили. Ищемъ. Пусто: ушли! Забрали подводы и уѣхали! Мы за ними. Переменнымъ аллюромъ, но больше наметомъ, я проскакалъ версть 20. Встрѣчается длинная колонна порожнихъ подводъ. Спрашиваю: откуда? Рекрутъ, говорятъ, отвозили; вчера высадили ихъ на дорогѣ, свернули въ лѣсъ... шайка человекъ въ 200.

Былъ полдень. Настигнуть ихъ для меня казалось дѣломъ невозможнымъ, и я повернулъ въ Августовъ напрямикъ. Дорога шла черезъ фольваркъ съ пивнымъ заводомъ. Тамъ я и сталъ на отдыхъ.

Помѣщика, по обыкновенію, дома не было. Управляющій встрѣчаетъ меня ласковыми рѣчами, но въ нихъ чувствую что-то извиняющееся. Вхожу въ домъ. Сразу натыкаюсь на тяжело раненаго повстанца. Около—сидитъ дама въ траурѣ, я заглянулъ въ лицо.

Показалось оно мнѣ больно знакомымъ. — Стипульковскій? спрашиваю. Дама качнула головою. Это былъ одинъ изъ моихъ Августовскихъ партнеровъ по билліарду, съ которымъ мы подтрунивали одинъ надъ другимъ.

Мать сквозь слезы рассказала, что уговорили его друзья поступить къ Вавру: молодой, сдѣлать это не трудно.... Онъ тайкомъ и бѣжалъ отъ матери. Ну, попался симбирцамъ, а тѣ пощупали его маленько штыками.

Помогли ему перевязками, лекарствами и поѣхали въ полкъ.

Повстанье какъ будто стихало. Къ осени, по крайней мѣрѣ, мы не находили повстанцевъ, хотя продолжали считать себя окруженными поляками.

Примѣрно къ этому времени относится назначеніе начальникомъ Августовскаго отдѣла генерала Якова Петровича Бакланова. Судьба вторично ставила меня въ его подчиненіе.

Мы воспрянули духомъ. Какъ-то не было вѣры у насъ въ другое начальство, и назначеніе такого человѣка, какъ Баклановъ, дѣлало цѣлую революцію въ нашемъ настроеніи. Какая цѣльная, могучая сила таилась въ немъ!

Помню, представляется ему (въ Сувалкахъ) гражданское начальство. Всѣ думали, что генераль преподастъ инструкцію для веденія дальнѣйшей борьбы, думали, что этотъ человѣкъ, пропитанный дымомъ пороха, выросшій во всю величину своего боевого таланта подъ громъ пушекъ и лязгъ шашечныхъ ударовъ, скажетъ, при мѣрно, такъ: «Поляки — враги. Не церемоньтесь!... Я ихъ буду истреблять огнемъ и мечомъ, а вы призовите всѣ свои силы на помощь въ этомъ мнѣ!...»

Какимъ холоднымъ ушатомъ воды упала на нихъ его краткая многозначительная рѣчь: «... Возстаніе окончилось. Счеты сведены и ихъ надо забыть для общей дружной и *мирной* работы...»

Особенно сильное слово онъ сказалъ намъ, военнымъ: «...Прошлаго нѣтъ! Протянемте первыми руки дружбы полякамъ: они намъ, русскимъ, родственны... пожалѣемъ ихъ!... Возстанія нѣтъ!»

Это было первое слово мира во всѣ дни повстанья, это была яркая молнія въ густыхъ потемкахъ, въ которыхъ мы, озлобленные невидимостью крупныхъ силъ поляковъ, рыскали, искали и не находили ихъ. Она освѣтила намъ мирную сторону исхода повстанья: мы ее забыли. Насъ увлекла идея «разсѣять, уничтожить, спалить, вырвать съ корнемъ....»

И первый, кто заговорилъ въ *нужную* минуту на языкѣ души, былъ Баклановъ.

Я никогда не забуду сцены съ мѣстнымъ почтмейстеромъ: на другой день нашего представленія онъ пришелъ къ Бакланову съ жалобой на отказъ полкового начальства назначить конвой къ почтѣ — везли деньги.

— А на что тебѣ конвой? спрашиваетъ Яковъ Петровичъ.

— Посылается много денегъ, боюсь, какъ бы не отбили....

— Кто?

— Повстанцы, ваше превосходительство.

— Ну, такъ знай: если отобьютъ твою почту, я прикажу повѣсить тебя на первомъ же фонарномъ столбѣ.

Повернулся и ушелъ. Почту не отбили.

Мода окружать себя конвоемъ при немъ отпала сама собою. Скоро по своемъ пріѣздѣ въ Сувалки онъ объѣзжалъ въ почтовой

«нетычанкѣ» свой отдѣлъ—безъ всякой стражи, имѣя на козлахъ георгіевскаго кавалера, урядника Талалаева.

— Поздравляю васъ съ окончаніемъ возстанія, обращался къ войскамъ Баклановъ.

Для него не было страха разѣзжать по глухимъ дорожкамъ въ темномъ лѣсу на парѣ лошадей, съ однимъ урядникомъ на козлахъ.

Позже поляки сами говорили, что въ лѣсу повстанцы еще были, но Баклановъ вернулъ ихъ къ своимъ домамъ: онъ обезоружилъ ихъ словомъ.

Дорожныя приключенія кончились, движеніе возстановилось; ясно было, что и признаки замиренія на лицо. Передавали, что Муравьеву тактика Бакланова не нравилась. Онъ былъ сторонникъ крутого возмездія, требовалъ, какъ говорится «жертвъ». А Баклановъ ихъ не давалъ. Скоро его отчислили.

Съ какимъ поклоненіемъ мы смотрѣли на Бакланова! Съ какимъ восторгомъ и любовью отзывались о немъ сослуживцы по Кавказу!... Какимъ простякомъ—доступнымъ и сердечнымъ—онъ былъ для всѣхъ, кто просился къ его сердцу!...

Необычайно суровый на видъ, страшный, рябой, огромнаго роста, съ нависшими на глаза бровями, Баклановъ совершенно не походилъ на свой внутренній обликъ. Учащаяся въ Питерѣ молодежь съ Дона сразу почувствовала силу его души и тянулась къ нему съ самыми разносторонними просьбами.

Да, вотъ они, самородки Дона! Вотъ они настоящіе труженики ратнаго дѣла: Власовъ, Ефремовъ, который неграмотнымъ казакомъ вышелъ изъ Гугнинской станицы на службу, а возвратился генераль-лейтенантомъ, грудь котораго была украшена не однимъ орденомъ за боевыя дѣла, которому Императоръ Николай Павловичъ приказалъ выдавать жалованье по должности командира лейбъ-Казачьяго полка, когда уже онъ жилъ въ станицѣ... Сысоевъ, работавшій не шашкой, а страшною плетью, Красновъ Данила съ Георгіемъ на шеѣ—да ихъ и не перечтешь!

Какъ мало у насъ пишутъ про Донъ! А есть про что рассказать. У насъ столько своеобразнаго, отмѣннаго, гдѣ люди изъ одной станицы, сосѣди, идутъ на службу, несутъ ее—одинъ простымъ казакомъ, другой—его начальникомъ, и уживаются, да еще какъ?!... Кончилъ службу—и ты обращаешься въ простого станичника съ его мелкими нуждишками, горемъ, заботой. И траву дѣлишь вмѣ-

стѣ со станицей, и землю дробишь, работаешь надъ ней, какъ простой смертный.

Одно воспоминаніе о станичной жизни нашихъ воякъ можетъ дать прекрасный матеріалъ для любителя старины.

Помню, въ наше далекое время (вѣдь теперь я живу прошлымъ) передавали такой случай про Краснова.

Любилъ онъ, живя въ станицѣ, рыбку поудить. Заберетъ удочки, наростъ червяковъ, да на весь день и пропадаетъ на водѣ.

Какъ-то слышитъ:

— Дѣдушка, а, дѣдушка!...

Красновъ поднялъ голову и видитъ на томъ берегу стоитъ офицеръ съ аксельбантами.

— Что, родимый?

— Перевези меня на тотъ берегъ!

— Што-же можно.. Удочки смотаю...

Подѣхалъ. На немъ была простая рубаха и казачьи брюки.

Офицеръ сѣлъ.

Опять заработали весла въ рукахъ старика.

Сходя на берегъ, офицеръ хлопая по плечу Краснова, сказалъ:

— Ну, спасибо, дѣдушка, что перевезъ. Да знай, что перевозилъ ты полковника генеральнаго штаба N (фамилію не помню).

А въ то время эти офицеры были въ большой рѣдкости.

— Хорошо, родимый. А коли спросятъ васъ, кто перевозилъ, скажите: генералъ Красновъ!

Тутъ только полковникъ узналъ героя Дона.

Краснѣя за свою неумѣстную кичливость, онъ хотѣлъ извиниться, хотѣлъ принести повинную, что не узналъ, но сумѣлъ лишь пролепетать: Ваше превосходительство!... Ваше...»

А Красновъ снова ушелъ въ свое дѣло.

Вотъ какія были времена. Они не вернуться больше: теперь не поле дѣлаетъ людей, а школьная скамья. Раньше цензомъ на чины было безстрашіе, раны, бои, дѣла, въ которыхъ человекъ показывалъ себя... Раньше возможно было закончить образованіе, какъ это было съ Баклановымъ, у бабки Кудиновны, да у дьячка, а вернуться—на полѣ битвы...

Теперь «Баклановыхъ» нѣтъ и *не будетъ!* Научный цензъ затернилъ дорогу простымъ самородкамъ. А они на Дону есть, да нечѣмъ пробивать дорогу дальше. Теперь и деньги—основа чиновъ!...

Старикъ задумался. Передо мной сидѣлъ помолодѣвшій воспоминаніями Александръ Дементьевичъ, который, казалось, продолжалъ листать свою многотомную книгу, полную интереса и содержанія. Листалъ бывшее...

И тихо всталъ и, попрощавшись, ушелъ.

Ж. Курмояровъ.

